

УДК 327.32.3

## НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

© 2016 г.      **Г.Б. Корсаков\***

*Статья поступила в редакцию 20.04.2016.*

*В статье анализируются важнейшие концептуальные направления развития американских вооружённых сил, которые даже в условиях жёстких финансовых ограничений способны привести к дестабилизации глобального военно-стратегического равновесия.*

**Ключевые слова:** *качественные преобразования вооружённых сил США, военнотехнологическое превосходство, военное планирование, мировой порядок, инновационные концепции применения вооружённых сил США, стратегическое сдерживание глобальных геополитических оппонентов, передовое военное присутствие.*

В период второй администрации Обамы Белый дом и Министерство обороны опубликовали ряд доктринальных документов в области национальной безопасности, содержащих важнейшие фундаментальные принципы строительства и применения ВС США. Планируется, что уже к 2020 г. в американских вооружённых силах произойдут качественные преобразования, которые затронут все аспекты их применения: стратегическое планирование, организационную структуру, техническое оснащение, обучение и подготовку личного состава, стратегию, оперативное искусство и тактику, а также организацию логистического обеспечения боевых действий.

### Направления военного строительства

Принципиальная установка на качественное техническое превосходство над любым вероятным противником в XXI веке остаётся концептуальной основой военной политики администрации Обамы. В марте 2014 г. Министерство обороны опубликовало очередной «Четырёхлетний обзор в области обороны» – своего рода «дорожную карту» в сфере военного строительства на следующие четыре года [45]. В документе отмечается, что американским вооружённым силам придётся решать задачи обеспечения национальной безопасности в условиях «глобальных вызовов, исходящих из различных регионов планеты». Рост очагов экстремизма и возникновение религиозно-политических конфлик-

---

\* **КОРСАКОВ** Георгий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

тов на территории ряда государств Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии создаёт, по оценкам авторов документа, «непосредственную угрозу для американских союзников и партнёров», что, в свою очередь, требует расширения «международного сотрудничества в оборонной сфере и выработки адаптивных форм взаимодействия». Поэтому в условиях глобальной трансформации системы международных отношений американское руководство будет вынуждено осуществлять оборонную политику, опираясь на «высокоэффективную экономику, широкое политическое взаимодействие с союзниками и партнёрами, военную мощь и технологическое превосходство». Выполнение всех этих условий потребует, в свою очередь, принятия важных управленческих решений в области изменения **баланса** вооружённых сил и дальнейшего **реформирования** их структурных компонентов.

Количество различных угроз национальной безопасности США, по оценкам авторов доклада, в обозримой перспективе будет только возрастать. Это, в свою очередь, потребует ряда ответных мер, которые могут кардинально изменить всю систему международной безопасности. Возникновение новых центров силы в мировой политике, растущая политическая, экономическая и военная мощь ряда «поднимающихся» государств, падение демографических показателей ведущих стран, быстрая урбанизация территорий, повышение среднего возраста населения планеты, непредсказуемые колебания мировых энергетических рынков, а также появление новейших (прежде всего, военных) технологий в некоторых «проблемных» странах и террористических группировках, представляют, по мнению американских военных специалистов, основные источники глобальной нестабильности и, как следствие, «возможной трансформации существующего мирового порядка». К тому же воздействие этих факторов на всю систему международных отношений в долгосрочной перспективе будет только возрастать, а механизмы противодействия им будут ослабевать. Это, в свою очередь, может значительно ограничить возможности американского влияния на обстановку в том или ином регионе, снизить потенциал глобального военного присутствия, а также повысить уязвимость ВС США при развёртывании на удалённых ТВД. При этом усиливающаяся угроза со стороны международных террористических организаций в значительной мере определяется упрощением условий их функционирования, связанных с неутихающим характером вооружённых конфликтов в различных регионах планеты.

Как следует из документа, США, их союзники и партнёры, должны оказывать противодействие (в том числе и силовыми методами) государствам, которые могут «трансформировать существующий либеральный мировой порядок». Поэтому американское военное планирование должно вестись с целью снижения активности этих стран «в области возможной дестабилизации международных отношений». Продолжающееся распространение в третьи страны ядерных и ракетных технологий, неядерного высокотехнологичного оружия, беспилотной авиации, автономных роботехнических систем вооружений, растущие возможности по применению информационного оружия, разведывательных средств космического базирования также создают, по оценкам американских военных

специалистов, реальные угрозы для национальной безопасности США и представляют серьёзный вызов для американских вооружённых сил.

По мере роста экономического и военно-политического потенциала развивающихся стран и перераспределения материальных и финансовых ресурсов между глобальными центрами силы, США, их союзники и партнёры могут потерять, как считают авторы доклада, своё влияние на мировую политику и экономику, которое уже начинает смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому защита жизненно важных интересов Соединённых Штатов в этом регионе, а также сохранение и укрепление важнейших альянсов с американскими союзниками и партнёрами в АТР на фоне роста конкуренции со стороны некоторых «крупных региональных государств» потребуют от американского руководства разработки новых подходов к обеспечению национальной безопасности и расширению боевых возможностей вооружённых сил.

«Быстрая модернизация военно-технического потенциала Китая, в частности, его ракетно-ядерных вооружений, ведёт к усилению напряжённости в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и может, по оценкам американских военных специалистов, уже в краткосрочной перспективе создать для ВС США существенные трудности, связанные с необходимостью повышения боевого потенциала войск, пересмотра стратегических и оперативно-тактических концепций их применения, а также модернизации вооружений и военной техники. А возможное «активное применение Китаем вооружённых сил для защиты национальных интересов» заставляет американское военное руководство искать новые формы и методы применения военной мощи для противодействия этой «региональной угрозе». Так, авторы «Четырёхлетнего обзора» считают необходимым ускоренными темпами форсировать разработку дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений, способных преодолевать современные средства ПВО/ПРО, а также разведывательно-ударных комплексов для ведения боевых действий на удаленных ТВД в быстро меняющихся военно-стратегических условиях, в частности, автономных роботехнических подводных аппаратов, которые могут стать дополнительным средством сбора разведывательной информации. Это, в свою очередь, потребует существенных финансовых вложений в поддержание и модернизацию профильной инфраструктуры базирования американских войск в регионе. При этом предполагается, что значительную часть расходов должны взять на себя американские союзники и партнёры в АТР (Австралия, Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Новая Зеландия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Бангладеш).

В условиях жёстких финансовых ограничений и в соответствии с законом «О контроле бюджета» начиная с 2012 фин. г. бюджет Министерства обороны планируется сократить на 487 млрд. долл. в течение десятилетия, причём ассигнования должны будут снижаться на 50 млрд. долл. ежегодно. Однако в документе указывается, что начиная с 2015 фин. г. расходы Министерства обороны вырастут в течение следующих пяти лет на 115 млрд. долл. Следует отметить, что в общей сложности на оборону в 2016 фин. г. было выделено 585,3 млрд. долл. [48]. В эту сумму входит базовый бюджет Министерства обороны и расходы на ведение боевых действий за рубежом – *OCO (Overseas Contingency Operations)*. При этом основной бюджет военного ведомства составил

534,2 млрд. долл. (без дополнительных программ), а на *ОСО* было выделено 50,9 млрд. долл. Сумма базового бюджета на 2016 фин. г. превосходит прошлогоднюю на 38,2 млрд. долл., а на ведение боевых действий за рубежом она на 13,3 млрд. долл. меньше, чем в 2015 фин. г. Такое изменение структуры оборонных расходов, как представляется, связано с тем, что Соединённые Штаты намерены сосредоточиться, прежде всего, на финансировании НИОКР и качественном развитии вооружённых сил. Уменьшение расходов на ведение боевых действий за рубежом, в свою очередь, вызвано значительным сокращением американского воинского контингента, развёрнутого в Афганистане.

При составлении проекта оборонных расходов на 2016 фин. г. учитывались пять основных факторов: смещение стратегических приоритетов военной политики США в АТР; обязательства американского руководства перед союзниками по НАТО по поддержанию региональной безопасности в Европе и на Ближнем Востоке; глобальная борьба с международным терроризмом; инвестирование в развитие новейших технологий; укрепление военно-политических и экономических союзов и партнёрств по всему миру. При этом основные финансовые потоки оборонных расходов при реформировании ВС США планируется направить на развитие сил и средств стратегического ядерного сдерживания, противоракетной обороны, информационной безопасности, стратегических транспортных средств для переброски войск и военной техники, а также на активизацию боевого применения сил специальных операций в глобальном масштабе.

В «Четырёхлетнем обзоре» обозначены три важнейшие инициативы, которыми Министерство обороны намерено руководствоваться при реформировании вооружённых сил:

1. Военное строительство должно осуществляться с целью сохранения лидирующего положения Соединённых Штатов в мире;
2. Все запланированные мероприятия в области структурных изменений вооружённых сил должны быть чётко сбалансированы;
3. Сохранение высокой боеготовности вооружённых сил в условиях жёстких финансовых ограничений возможно только при наличии эффективного механизма контроля за расходами.

Учитывая сложную финансово-экономическую ситуацию, а также исходя из наличия широкого спектра угроз национальной безопасности, американские специалисты несколько видоизменили действовавшую после окончания «холодной войны» доктрину одновременного ведения двух военных конфликтов на различных удалённых ТВД. В современной трактовке вооружённые силы США «должны нанести поражение региональному противнику в крупномасштабной войне на одном ТВД и не дать возможности оппоненту решать свои задачи в связи с большими затратами на ведение боевых действий на другом ТВД». По сути, в документе подтверждается действующая доктринальная установка американского руководства о невозможности в среднесрочной перспективе содержать и обеспечивать такую группировку сил, которая была бы способна одновременно вести две крупномасштабные войны на различных удалённых ТВД.

В документе обозначено несколько инновационных концепций применения вооружённых сил, которые американское руководство выделяет в качестве приоритетных. Так, в соответствии с концепцией «обороны национальной территории» планируется и дальше активно развивать новейшие противоракетные технологии, в частности, увеличить количество развёрнутых стратегических ракет-перехватчиков *GBI (Ground-Based Interceptors)* шахтного базирования с 30 до 44, развернуть на территории Японии второй радар системы предупреждения о ракетном нападении для своевременного обнаружения ракетных пусков с территории Северной Кореи, а также значительно увеличить финансирование профильных программ по исследованию возможностей селекции сложных баллистических целей и повышению технических характеристик информационно-разведывательного компонента глобальной системы ПРО. Это должно, как считают эксперты, защитить, прежде всего, американские воинские контингенты, развёрнутые за пределами национальной территории, от региональных ракетных угроз. При этом, подчёркивается в документе, все мероприятия США в этой сфере направлены исключительно против Северной Кореи и Ирана и никак не подразумевают изменение военно-стратегического баланса с Россией и Китаем.

Несмотря на достигнутые с Россией договорённости в области сокращения стратегических наступательных вооружений планируется, тем не менее, увеличить расходы на текущее содержание и модернизацию инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса с целью «сохранить эффективную стратегическую триаду и повысить боеготовность тактической авиации передового базирования в ядерном оснащении» [38]. Следует отметить, что американское руководство намерено потратить 350 млрд. долл. в течение следующего десятилетия на содержание и модернизацию ядерных сил [44]. Организационные, финансовые и технические усилия в рамках этих задач планируется направить, прежде всего, на разработку стратегического подводного ракетноносца следующего поколения, новейшего стратегического бомбардировщика и крылатой ракеты воздушного базирования для его оснащения, межконтинентальной баллистической ракеты следующего поколения, перспективного ударного истребителя, разработку и полномасштабное производство новейших модификаций ядерных боеголовок, строительство новых предприятий по производству и проведению имитационных испытаний ядерного оружия.

Министерством энергетики, в ведении которого находятся национальные ядерные лаборатории, запланирована реализация широкомасштабной программы продления срока службы и модернизации всех стоящих на вооружении типов ядерных боеголовок. Так, уже ведётся полномасштабное производство около 1,2 тыс. ядерных боеголовок *W76-1* для БРПЛ «Трайидент-2», которое планируется завершить к 2019 г., при этом общая стоимость программы может составить 3,7 млрд. долл. Разработка ядерной боеголовки для новой стратегической крылатой ракеты воздушного базирования *LRSO (Long-Range Standoff)*, которой планируется оснащать стратегические бомбардировщики следующего поколения, потребует около 8,8 млрд. долл. в период до 2033 г., а стоимость всех компонентов системы может достигнуть 20 млрд. долл. Серийное производство управляемых ядерных авиабомб новейшей модификации

*B61-12*, которыми планируется оснащать ударные истребители-бомбардировщики *F-35* «Лайтнинг-2», намечено закончить к 2025 г., при этом общая стоимость программы может составить около 10 млрд. долларов.

Национальное управление по ядерной безопасности *NNSA (National Nuclear Security Administration)*, будучи структурным подразделением Министерства энергетики, также представило план разработки нового семейства так называемых «взаимозаменяемых» ядерных боеголовок, которые могут применяться как на МБР, так и БРПЛ [35]. Производство первой такой боеголовки должно начаться до 2039 г., расходы на программу могут составить около 15 млрд. долл. Ожидается, что все запланированные мероприятия должны привести к повышению точности ядерного оружия, что, в свою очередь, может значительно снизить требования к его мощности для уменьшения «сопутствующего ущерба».

Кроме этого, предполагается активно разрабатывать средства информационного противоборства, вкладывая ресурсы в развитие цифровых технологий и подготовку профильных специалистов, а также поддерживать необходимый потенциал для защиты национальной территории от возможного применения оружия массового уничтожения.

В рамках концепции «обеспечения глобальной безопасности» планируется продолжить стратегию передового присутствия американских экспедиционных сил в ключевых регионах планеты, прежде всего, в АТР. Так, к 2020 г. в акватории Тихого океана предполагается развернуть до 60% всего боеспособного потенциала ВМС, а также значительные контингенты ВВС и Корпуса морской пехоты, оснащённые системами вооружений и военной техникой последнего поколения. Кроме этого, американское руководство и дальше продолжит рассматривать ряд стран Ближнего Востока, Европы, Африки и Латинской Америки как форпосты американского военного присутствия в глобальном масштабе, являющиеся «необходимым компонентом политики обеспечения национальной безопасности». Важнейшим стратегическим приоритетом американской военной политики становится Арктический регион, в связи с чем планируется значительно нарастить военное присутствие в прилегающих акваториях [15, 37].

В соответствии с концепцией «проецирования силы и достижения решительной победы» американское руководство планирует сосредоточить основные финансовые, научно-технические и организационные усилия на развитии, прежде всего, авиационного и морского компонентов национальной военной мощи для противодействия «растущей военной угрозе» со стороны Китая. При этом необходимые ресурсы предполагается также направить на модернизацию сухопутных войск, сил специальных операций, а также на разработку новейших военно-космических систем, дальнобойного высокотехнологичного оружия, систем разведки, наблюдения и рекогносцировки для повышения ситуационной осведомлённости в глобальном масштабе, поддержания высокого темпа операций и лучшей манёвренности. Кроме этого, планируется продолжить дальнейшее укрепление политики «евроатлантической солидарности» на ключевых региональных ТВД.

С учётом требований оборонной стратегии США и необходимости совершенствовать основные силы и средства по широкому спектру задач Министерство обороны разработало Перспективный план обеспечения обороноспособности на 2015–2019 фин. г. (*Future Years Defense Program – FYDP*), в котором предусмотрены следующие общие параметры:

## **Основные структурные компоненты вооружённых сил США**

### *СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА:*

18 дивизий (10 регулярного состава, восемь – в Национальной гвардии); 22 авиационные бригады (10 регулярного состава, две – в резерве, 10 – в Национальной гвардии); 15 дивизионов противоракетных комплексов «Пэтриот»; семь батарей противоракетных комплексов *THAAD* (*Terminal High-Altitude Area Defense*).

Численность личного состава: 440–450 тыс. военнослужащих регулярного состава, 195 тыс. – в резерве, 335 тыс. – в Национальной гвардии.

### *ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ:*

11 авианосцев и 10 авиакрыльев палубной авиации; 92 больших надводных боевых корабля (71 эсминец и 21 крейсер); 43 малых надводных боевых корабля; 33 амфибийно-десантных корабля; 51 ударная многоцелевая атомная подводная лодка; четыре стратегических подводных ракетоносца с крылатыми ракетами.

Численность личного состава: 323,2 тыс. военнослужащих регулярного состава, 58,8 тыс. – в резерве.

### *КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ:*

Два экспедиционных соединения; три штаба бригадного уровня; семь штабов батальонного уровня.

Численность личного состава: 182 тыс. военнослужащих регулярного состава, 39 тыс. – в резерве.

### *ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ:*

48 эскадрилий истребителей и штурмовиков (26 регулярного состава и 22 – в резерве, 971 самолёт); девять эскадрилий тяжёлых бомбардировщиков (96 самолётов); 443 самолёта-топливозаправщика; 211 стратегических транспортных самолётов; 300 тактических транспортных самолётов; 280 самолётов разведки, наблюдения и рекогносцировки; 27 самолётов боевого управления; шесть оперативных спутниковых группировок.

Численность личного состава: 308,8 тыс. военнослужащих регулярного состава, 66,5 тыс. – в резерве, 103,6 тыс. – в Национальной гвардии.

### *СИЛЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ:*

Около 660 формирований специального назначения ( в том числе оперативные подразделения всех видов вооружённых сил, а также специальные авиационные части), включая три разведывательно-диверсионных батальона «Рейнджер», 259 самолётов обеспечения мобильности и огневой поддержки, 83

летательных аппарата разведки, наблюдения и рекогносцировки (40 беспилотных летательных аппаратов, 43 самолёта).

Численность личного состава: 69,7 тыс. военнослужащих.

#### *СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ:*

Не более чем 1550 ядерных боеголовок, развёрнутых на следующих стратегических носителях: 420 МБР «Минитмен-3»; 240 БРПЛ «Трайдент-2», развёрнутых на 12 из 14 ПЛАРБ класса «Огайо»; 60 тяжёлых бомбардировщиков (44 В-52 «Стратофортресс» и 16 В-2А «Спирит»).

#### *СИЛЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ:*

13 групп стратегического уровня с восемью группами обеспечения; 27 групп оперативно-стратегического уровня с 17 группами обеспечения; 18 групп информационной безопасности стратегического уровня с 24 группами обеспечения; 26 групп управления и информационной безопасности оперативно-стратегического уровня.

В целом, в документе особо подчёркивается, что, поскольку «США – государство с глобальными военно-политическими и экономическими интересами, у которого есть обязательства перед союзниками и партнёрами», их оборонная стратегия по-прежнему будет направлена на усиление способности решать проблемы международной и региональной безопасности и, прежде всего, на необходимость обеспечения безопасного доступа к энергоресурсам. Для этого повышенное внимание наряду с другими программами модернизации обычных и стратегических сил планируется уделять дальнейшему развитию инновационных концепций применения вооружённых сил, разработке дальнбойных высокотехнологичных систем вооружений, информационно-разведывательных средств космического базирования с направлением в эти области необходимого объёма инвестиций.

### **Приоритеты национальной безопасности**

«США намерены и дальше формировать мировой порядок и определять приоритеты всей системы международных отношений...» – было заявлено в очередной «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом Б. Обамой в феврале 2015 г. [36]. По сути, американское руководство планирует и дальше проводить политику глобального доминирования, опираясь на различные компоненты (политические, экономические, военные, информационные) национальной мощи. «Вопрос не в том, должны или не должны лидировать Соединённые Штаты, а в том, как они должны это делать», – пишет в предисловии к документу президент Б. Обама. При этом «российская агрессивная политика» была поставлена в один ряд (наравне с международным терроризмом, угрозами в глобальном информационном пространстве, негативными последствиями изменения климата и слабо контролируемым распространением инфекционных заболеваний) с наиболее «серьёзными вызовами для национальной безопасности США». Используя «воинственный подход к соседним странам» Россия, по мнению Обамы, «ставит под угрозу нормы международного права». Поэтому для стратегического сдерживания «российской военной угрозы» Соединённые Штаты планируют и дальше «наблюдать за её

стратегическими возможностями», а также продолжать адаптивное военное планирование с союзниками и партнёрами. При этом американское руководство «оставляет открытой дверь» для возможного взаимодействия с Россией в сферах «совместных интересов».

В документе особо подчёркивается, что укрепление и поддержание американского лидерства, обеспечение национальных интересов, утверждение так называемых «универсальных ценностей» и выполнение международных обязательств невозможно без учёта силовых возможностей Соединённых Штатов, которые американское руководство планирует непрерывно качественно развивать. К тому же США как главный архитектор современного мирового порядка «способны эффективно адаптироваться к новым вызовам и успешно преодолевать все возникающие трудности». При этом ключевой элемент американского первенства в глобальном масштабе, по мнению американских специалистов, это уверенность в «неизбежности для Соединённых Штатов оставаться лидером международного сообщества в силу уникальных возможностей».

Среди основных стратегических рисков, угрожающих национальным интересам США, были названы:

- «катастрофическое» нападение на национальную территорию или жизненно важную инфраструктуру;
- угрозы или атаки за пределами национальной территории против населения США, а также союзников;
- глобальный экономический кризис или замедление экономического роста в глобальном масштабе;
- распространение и/или использование оружия массового уничтожения;
- неконтролируемое глобальное распространение инфекционных заболеваний;
- изменения климата;
- разрушение основных энергетических рынков;
- значительные последствия для национальной безопасности, связанные с политикой «несостоявшихся» (*failed*) государств.

В целях поддержания на должном уровне национальной безопасности составители документа предлагают сосредоточиться, прежде всего, на укреплении обороноспособности США, усилении внутренней безопасности, расширении возможностей по противодействию террористическим угрозам, а также на предотвращении распространения и применения оружия массового уничтожения. Для этого планируется, в частности, более эффективно использовать различные сегменты национальной экономики, энергетической стратегии (активное развитие и внедрение альтернативных источников энергии), научно-технического потенциала (лидерство в технологических инновациях), а также «формировать глобальный экономический порядок в выгодном для Соединённых Штатов направлении». Учитывая приоритетную важность для американского руководства поддержания «либерального» мирового порядка, планируется и дальше, как следует из документа, формировать новые «волны демократизации» в глобальном масштабе. Для этого предполагается более активно вовлекать в различные военно-политические и экономические альянсы (под ру-

ководством США) государства Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Европы, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

В целом, в документе отражены доктринальные установки американского руководства, свидетельствующие, что США намерены и в обозримом будущем претендовать на роль глобального лидера и планируют добиваться этого путём расширения применяемого инструментария, в частности, стратегического сдерживания глобальных геополитических оппонентов. При этом американское лидерство в XXI веке, как следует из документа, должно «оставаться необходимым».

## **Развитие военной доктрины**

Основные задачи американских вооружённых сил, а также общие подходы к их решению были сформулированы в новой редакции «Национальной военной стратегии», подготовленной специалистами Комитета начальников штабов (КНШ) и утверждённой в июне 2015 г. тогдашним председателем КНШ М. Демпси [34]. В предисловии к документу Демпси подчёркивал, что «стратегическая ситуация в мире существенно дестабилизировалась и... стала самой непредсказуемой за последние десятилетия, а американское военное превосходство продолжает неуклонно снижаться...». Национальная безопасность США, по его мнению, подвергается широкому спектру угроз, исходящих со стороны как «традиционных противников», так и региональных государств и негосударственных группировок, которые пытаются воспользоваться теми преимуществами, которые даёт интенсивное развитие и внедрение в военное дело новейших технологий.

«Вооружённые силы США должны быть способны быстро и адекватно реагировать на любые новые вызовы, сохраняя при этом военно-стратегическое превосходство в противостоянии традиционным угрозам», – пишет Демпси. Это, в свою очередь, должно обеспечиваться, по его мнению, эффективным взаимодействием военных структур с другими инструментами национальной мощи, а также с союзниками и партнёрами. При этом особое внимание Демпси обращает на необходимость и дальше поддерживать оперативные и транспортные возможности по развёртыванию ВС США в глобальном масштабе, а также сохранению и развитию действующей системы военно-политических союзов, для чего Министерству обороны необходимо сосредоточиться на «формировании высококвалифицированного и готового к последовательным действиям руководящего звена вооружённых сил». Малая предсказуемость современных конфликтов, их предрасположенность к быстрой эскалации на фоне сокращения финансовых ресурсов и общей численности ВС США требует, по мнению Демпси, кардинального пересмотра военно-стратегических концепций и корректировки оперативно-тактических планов. Для стратегического сдерживания, оказания противодействия, а в случае необходимости и разгрома вооружённых сил «ревизионистских государств, бросающих вызов нормам международного права», а также «жестоких экстремистских организаций, угрожающих международной и региональной безопасности», США должны и в обозримом будущем, по мнению Демпси, предпринимать все необходимые ме-

ры по формированию военных коалиций с союзниками и партнёрами в рамках своих обязательств.

Глобальные изменения международной обстановки, как следует из документа, вызваны, прежде всего, негативными тенденциями глобализации, распространением новейших технологий и фундаментальными демографическими сдвигами. Взрывной характер перемещения людских потоков, транзита различных товаров и информационного трафика через границы государств ведёт, по мнению американских военных специалистов, к усилению социально-экономической напряжённости в обществе, инициирует борьбу за природные ресурсы и усугубляет политическую нестабильность. Распространение и широкое внедрение новейших технологий в военное дело ведёт, по их мнению, к сокращению военно-стратегических преимуществ, которыми уже в течение длительного периода обладают США, в частности, в области обеспечения раннего предупреждения о ракетном нападении и нанесения высокоточных ударов. Однако некоторые страны, как следует из документа, «предпринимают попытки пересмотреть ключевые приоритеты мирового порядка и действуют в направлении формирования долгосрочной угрозы для национальной безопасности США». К таким государствам американские военные специалисты относят, прежде всего, Россию, Китай, Иран и Северную Корею, которые «активно проводят масштабные мероприятия по модернизации своих вооружённых сил». При этом планируется и дальше прилагать активные усилия по «налаживанию взаимодействия с Россией и Китаем в вопросах, представляющих взаимный интерес, одновременно призывая оба государства к мирному разрешению возникающих противоречий в соответствии с нормами международного права».

Как следует из документа, баллистические и крылатые ракеты, неядерные высокотехнологичные системы вооружений, беспилотные, космические и информационные технологии, оружие массового уничтожения представляют собой средства, которые могут, по мнению американских военных специалистов, кардинально воспрепятствовать доступу ВС США на удалённые ТВД. Кроме этого, так называемые «нарастающие» военные технологии могут, по их мнению, обесценить американский потенциал ядерного сдерживания, сделать конфликты менее управляемыми, а также значительно сузить рамки их возможных решений.

Инновационный инструментарий ведения современных конфликтов, по мнению американских военных специалистов, – это так называемая «гибридная война». Своеобразными «поражающими элементами» такого рода конфликтов служат как традиционные средства ведения «классических» войн, так и иррегулярные вооружённые формирования и террористические организации, способные подрывать деятельность государственных органов стран-оппонентов изнутри и получать идеологический и психологический контроль над их населением посредством манипулирования его поведением, террора, информационного воздействия и пропаганды. Следует отметить, что стратегическая цель «гибридной войны» – способствовать реализации той или иной модели геополитической экспансии посредством искусственного формирования очагов внутренней дестабилизации с помощью массовой психологической обработки населения стран-оппонентов (и даже целых регионов), которые мог-

ли бы быть урегулированы на продиктованных «западными партнёрами» условиях. По сути, «гибридная война» включает весь диапазон средств вооружённого противоборства, а именно:

- использование различных инструментов интегрированной военной стратегии в сочетании с мероприятиями информационного противоборства;
- возрастание значения асимметричных и не прямых действий;
- активное применение силовых мер скрытого характера в сочетании с действиями сил специальных операций и использованием «протестного» потенциала населения стран-оппонентов;
- участие в конфликте иррегулярных вооружённых формирований и частных военных компаний;
- использование финансируемых и управляемых извне политических сил и общественных движений [13, 49].

Важный отличительный признак «гибридной войны» – использование сетевых форм управления подготовкой и развёртыванием «протестных» действий с возможностью их оперативной функциональной перестройки, что, в свою очередь, обеспечивает высокую подвижность и мобильность применения базовых ресурсов, их сосредоточение на стратегически важных направлениях. Главную роль при этом играют новейшие информационно-коммуникационные технологии, а также инновационные приёмы военной стратегии, перспективные формы и методы применения объединённых вооружённых сил.

Особое внимание в документе уделено проблеме трансформации вооружённого противоборства в XXI веке и, в частности, новым подходам к применению ВС США. В качестве одной из основных американскими военными специалистами рассматривается концепция «объединённых операций» (глобально интегрированных операций), в рамках которой предполагается совместное применение всех силовых компонентов Соединённых Штатов в глобальном масштабе, способных быстро объединяться (включая ресурсы союзников и партнёров) с целью интеграции их возможностей для решения различных оперативно-стратегических задач. Эти доктринальные установки были изложены в документе «Концепция объединённых операций: объединённые силы 2020», утверждённом председателем КНШ в сентябре 2012 г. и посвящённом различным аспектам боевого применения американских вооружённых сил в глобальном масштабе [8]. Следует отметить, что положения концепции – развитие подходов, изложенных в другом доктринальном документе – «Стратегическом руководстве в области обороны», посвящённом вопросам глобального лидерства США в военной сфере в XXI веке [14]. При этом особо подчёркивается, что военная сила – лишь один из элементов национальной мощи, а все инновационные подходы, обозначенные в документах, являются основополагающими при формировании объединённых вооружённых сил.

Исходя из необходимости поддержания военно-стратегического превосходства Соединённых Штатов в XXI веке американские военные специалисты выделяют следующие основные задачи, решая которые объединённые вооружённые силы будут вносить свой вклад в защиту национальных интересов:

- поддержание безопасного и эффективного потенциала ядерного сдерживания;

- надёжная оборона национальной территории;
- сдерживание и отражение агрессии;
- обеспечение стабилизирующего военного присутствия;
- операции против международных террористических организаций и иррегулярных вооружённых формирований;
- нейтрализация оружия массового уничтожения;
- проецирование силы в глобальном масштабе (в том числе в условиях действия стратегии «отказа в доступе» в некоторые регионы);
- проведение специальных операций в ответ на непредвиденные угрозы;
- выполнение обязательств в области обороны и безопасности перед союзниками и партнёрами;
- проведение противоповстанческих операций и операций по стабилизации обстановки;
- обеспечение поддержки гражданского руководства;
- проведение гуманитарных операций и операций по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Эффективное применение объединённых вооружённых сил потребует, как следует из документа, формирования корпуса высококвалифицированных специалистов, оптимизации системы управления, а также создания перспективных систем вооружений и военной техники. При этом поставленных стратегических целей планируется добиваться путём качественного совершенствования средств глобальной мобильности, ситуационной осведомлённости, улучшения интероперабельности, межвидового взаимодействия, адаптивного планирования, а также расширения охвата решаемых задач.

Все эти инновационные подходы американское военное руководство планирует применять при решении оперативно-стратегических задач на различных удалённых ТВД и, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, перспективная американская концепция «воздушно-морского сражения» (*air-sea battle*) предполагает формирование ударных межвидовых группировок, состоящих из сил и средств ВМС, ВВС и Корпуса морской пехоты, которые, находясь в высокой боевой готовности, могли бы оперативно реагировать на возникающие региональные кризисы [4]. После завоевания превосходства в воздухе и на море такие ударные группировки, по оценкам ряда американских экспертов, будут способны наносить высокоточные удары в глубь территории противника и обеспечивать, в случае необходимости, дальнейшее проведение наземной операции. Следует отметить, что концепция «воздушно-морского сражения» представляет собой дальнейшее развитие концепции «объединённости» и, как планируется, должна вывести межвидовую интеграцию на качественно новый уровень. Важнейший элемент концепции – межвидовая система оперативного управления (сопряжение автоматизированных систем управления различных уровней военного командования, обеспечивающее руководство силами и средствами в режиме реального времени) задействованных в операции видов вооружённых сил, которая, как ожидается, должна повысить эффективность управления ударной группировкой как единым целым.

Следует отметить, что концепция «воздушно-морского сражения» была разработана ещё в середине 1990-х годов после всеобъемлющего анализа аме-

риканскими военными специалистами боевого опыта проведения операции «Буря в пустыне» 1991 года. Дальнейшее развитие концепция получила в конце 2000-х годов в ответ на появление у ряда потенциальных противников США стратегии «противодействия доступу на ТВД / недопущения в зону боевых действий» (*anti-access/area denial – A2AD*), которая, в свою очередь, может позволить государствам-оппонентам ограничить, по мнению американских аналитиков, доступ ВС США на какой-либо региональный ТВД и свободу действий на нём [7, 40].

Как следует из американских аналитических докладов на эту тему, средства ПВО/ПРО, дальнобойные баллистические и крылатые противокорабельные ракеты, многоцелевые атомные подводные лодки, оснащённые ракетно-торпедным вооружением, противоспутниковое оружие могут существенно ограничить усилия американского военного руководства по наращиванию экспедиционной группировки войск на азиатско-тихоокеанском ТВД, значительно повысить риски и уровень возможных потерь, угрожать критически важным космическим и информационным системам, линиям коммуникаций и военным базам, что, в свою очередь, может потребовать выделения значительно большего количества сил и средств для защиты военной инфраструктуры [11, 26, 27].

Таким образом, все доктринальные документы в области национальной безопасности, принятые администрацией Обамы в последние годы, свидетельствуют, по сути, о колониальном характере американской военной политики и предполагают попытки дальнейшего изменения глобального силового баланса путём наращивания военного противостояния с главными геополитическими оппонентами. Стратегия «управляемого хаоса», применяемая американским руководством для силового «переформатирования» ряда стран Ближнего Востока, Восточной Европы и постсоветского пространства, являющихся своего рода «форпостом фундаментальных военных интересов США на евразийском стратегическом направлении», ведёт, как представляется, к возвращению «блокового мышления», запуская механизм новой «холодной войны». К тому же расширение американского военного присутствия в различных регионах планеты (по состоянию на начало 2016 г. было развёрнуто более 1,4 тыс. военных баз в более чем 120 государствах), а также установление, по сути, протектората над Европой заставляет американских союзников и партнёров идти в фарватере военной политики США. Реализуя идеи американской «исключительности» и уничтожая «неуправляемые» политические режимы в различных регионах планеты, США стали основной силой, подпитывающей (материально и финансово) радикальных фундаменталистов в глобальном масштабе. А «озабоченности» американского руководства по поводу «агрессивности» России, которая «не хочет следовать установленным правилам мирового порядка», «роста военной угрозы» со стороны Китая, ничем не обоснованные претензии американского руководства на «особый статус» в мировой политике, а также применение силы в одностороннем порядке могут, как представляется, разрушить несущие конструкции мирового порядка, всей системы глобального мироустройства. Поэтому только равноправное взаимодействие и баланс интересов всех государств, а также централизованное регулирование системы международных отношений в рамках общепризнанных наднацио-

нальных структур (прежде всего, Организации Объединённых Наций) должно рассматриваться в качестве «модели действий», которая может стабилизировать «глобальный контур управления» формирующегося многополярного мира в XXI веке.

\* \* \*

Основные концептуальные положения политики национальной безопасности были конкретизированы и в профильных доктринальных документах РФ. Так, в уточнённой редакции «Военной доктрины Российской Федерации», утверждённой указом президента РФ от 25 декабря 2014 г., сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства [1]. В документе, в частности, «учтены основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации, Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. и других документов стратегического планирования» [1].

В Военной доктрине «отражена приверженность Российской Федерации использованию для защиты национальных интересов страны и интересов её союзников военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера». В документе перечислены угрозы национальной безопасности, источники военной опасности и сформулированы условия применения ВС РФ, для чего введено понятие «система неядерного сдерживания» – «комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами». Предполагается, что неядерное сдерживание военной угрозы будет одной из основных задач сил общего назначения. При этом «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства».

Мировое развитие, по оценкам авторов документа, «характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряжённости в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения». При этом «неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией. Существующая архитектура (система) международной безопасности не обеспечивает равной безопасности всех государств». Как следует из документа, «наметилась

тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются».

К основным внешним военным опасностям доктрина относит «наращивание силового потенциала НАТО и наделение альянса глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путём дальнейшего расширения блока; дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности; развёртывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях стран, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию; создание и развёртывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе, а также развёртывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия; территориальные претензии к Российской Федерации и её союзникам, вмешательство в их внутренние дела; распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий; нарушение отдельными государствами международных договорённостей, а также несоблюдение ранее заключённых международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений; применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками, в нарушение Устава Организации Объединённых Наций (ООН) и других норм международного права; ...использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности...».

К основным военным угрозам доктрина относит «резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы; воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования её стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов...». При этом в документе отмечается, что «ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)».

Как следует из уточненной редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», утверждённой указом президента РФ от 31 декабря 2015 г., в последнее время появились новые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ [3]. В документе отмечается, что «США при поддержке ряда стран Запада намереваются сохранить своё доминирование в мировых делах, поэтому предпринимаются попытки ограничить проведение Россией самостоятельной внешней и внутренней политики. Всё большую опасность представляют угрозы, связанные с военной деятельностью НАТО. Стремление к наращиванию и модернизации наступательных потенциалов, развёртыванию новых видов вооружений, созданию глобальной системы ПРО, в том числе вокруг России, размывает структуры глобальной безопасности. При этом высказывания лидеров некоторых стран Запада о том, что НАТО – это оборонительный союз, созданный для обеспечения безопасности в мире, лишь прикрывают агрессивную сущность альянса».

В документе более чётко сформулированы стратегические цели защиты РФ от попыток использования военной силы против неё. Больше внимания уделено вопросам мобилизационной готовности и гражданской обороны. В то же время подчёркивается, что для защиты своих интересов Россия проводит внешнюю политику, исключая затратную конфронтацию, в том числе и новую гонку вооружений. Применение военной силы рассматривается как крайняя мера, использование которой возможно лишь после исчерпания политических, экономических, дипломатических и иных средств. В документе прописаны пути противодействия распространению радикальной идеологии, её пропаганды в средствах массовой информации. Подчёркивается значимость повышения защищённости от террористической угрозы критической инфраструктуры, личности, общества и государства в целом. Открыто заявлено, что к распространению терроризма, экстремизма, межрелигиозной и межэтнической вражды привела именно практика смены легитимных режимов с использованием методов «цветных революций» и «гибридных войн».

Отмечается необходимость диверсификации экономики, преодоления её сырьевой направленности, перехода на новый уровень технологического развития, рационального импортозамещения. Роль двигателя модернизации производства отводится оборонно-промышленному комплексу. Поставлены задачи в области обеспечения энергетической безопасности, территориального развития. Уточнены задачи обеспечения безопасности в сферах здравоохранения, культуры, экологии, рационального природопользования.

Вопросы обеспечения информационной безопасности включены практически во все разделы, посвящённые реализации стратегических национальных приоритетов. Ставится цель – доводить до граждан и общества объективную и достоверную информацию, а также укреплять безопасность информационно-коммуникационных систем. Актуальными остаются проблемы защищённости сетей связи с использованием отечественных технических и программных средств. С учётом всё большего влияния проблем обеспечения информационной безопасности на отношения между государствами, прежде всего компьютерных атак, отмечается необходимость формирования международной систе-

мы, призванной предотвращать возникновение инцидентов в данной сфере между странами.

Внешняя политика России, как следует из документа, будет, как и прежде, основана на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического разрешения глобальных и региональных кризисных ситуаций.

### Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 30.12.2014. [Military Doctrine of the Russian Federation // Rossiiskaya gazeta, 30.12.2014]. Available at: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>. (accessed 15.04.2016).
2. Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2011, №2, с. 22–40. [Korsakov G.B. Major Trends of U.S. Military Policy // USA ✧ Canada, 2011, No 2, p. 22–40].
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета, 31.12.2015. [National Security Strategy of the Russian Federation 2020 // Rossiiskaya gazeta, 31.12.2015]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (accessed 15.04.2016).
4. Air-Sea Battle Office, Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access and Area Denial Challenges. Washington: U.S. Department of Defense, May 2013.
5. America's Path: Grand Strategy for the Next Administration / Ed. by Fontaine R., Lord K. Washington: Center for a New American Security, 2012.
6. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Washington: U.S. Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 2015.
7. Bowie Ch. The Anti-Access Threat and Theater Air Bases. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2002.
8. Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020. Washington: The Joint Chiefs of Staff, 10.09.2012.
9. Chinese Aerospace Power: Evolving Maritime Roles / Ed. by Erickson A., Goldstein L. Annapolis: Naval Institute Press, 2011.
10. The Chinese Navy: Expanding Capabilities, Evolving Roles / Ed. by Saunders Ph. et al. Washington: National Defense University Press, 2011.
11. Cliff R. et al. Entering the Dragon's Lair: Chinese Anti-Access Strategies and Their Implications for the United States. Santa Monica: RAND, 2007.
12. Cliff R. et al. Shaking the Heavens and Splitting the Earth: Chinese Air Force Employment Concepts in the 21<sup>st</sup> Century. Santa Monica: RAND, 2011.
13. Davis P., Wilson P. Looming Discontinuities in U.S. Military Strategy and Defense Planning: Colliding RMAs Necessitate a New Strategy. Santa Monica: RAND, 2011.
14. Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21<sup>st</sup> Century Defense. Washington: U.S. Department of Defense, January 2012.
15. The Department of Defense Arctic Strategy. Washington: U.S. Department of Defense, November 2013.
16. Dobbins J. War with China // Survival, August/September 2012, p. 7–24.
17. Easton I. The Great Game in Space: China's Evolving ASAT Weapons Programs and Their Implications for Future U.S. Strategy. Washington: Project 2049 Institute, 2009.
18. Ehrhard Th., Work R. Range, Persistence, Stealth, and Networking: The Case for a Carrier-Based Unmanned Combat Air System. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2008.

19. Fact Sheet, Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Washington: The White House, 19.06.2013.
20. *Friedberg A.* A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York: W.W. Norton, 2011.
21. *Gunzinger M., Dougherty Ch.* Changing the Game: The Promise of Directed-Energy Weapons. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2012.
22. *Gunzinger M.* Shaping America's Future Military: Toward a New Force Planning Construct. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2013.
23. *Harrison T.* The Future of MILSATCOM. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2013.
24. Joint Operations Access Concept. Washington: The Joint Chiefs of Staff, 17.01.2012.
25. *Kissinger H.* The Future of U.S.-Chinese Relations: Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs, March/April 2012, p. 44-55.
26. *Krepinevich A., Watts B., Work R.* Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003.
27. *Krepinevich A.* Why Air-Sea Battle? Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010.
28. *Kroenig M.* Facing Reality: Getting NATO Ready for a New Cold War // Survival, February/March 2015, p. 49-70.
29. *Kroenig M.* Time to Attack Iran: Why a Strike is the Least Bad Option // Foreign Affairs, January/February 2012, p. 76-86.
30. *Legvold R.* Managing the New Cold War: What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs, July/August 2014, p. 74-84.
31. *Miller M.* U.S. Air Force Bomber Sustainment and Modernization. Washington: Congressional Research Service, 23.04.2013.
32. *Montgomery E.* Contested Primacy in the Western Pacific: China's Rise and the Future of U.S. Power Projection // International Security, Spring 2014, p. 115-149.
33. *Morgan F.* Deterrence and First-Strike Stability in Space: A Preliminary Assessment. Santa Monica: RAND, 2010.
34. The National Military Strategy of the United States of America. Washington: The Joint Chiefs of Staff, June 2015.
35. National Nuclear Security Administration, Fiscal Year 2015 Stockpile Stewardship and Management Plan, Report to Congress. Washington: U.S. Department of Energy, April 2014.
36. National Security Strategy. Washington: The White House, February 2015.
37. National Strategy for the Arctic Region. Washington: The White House, May 2013.
38. Nuclear Weapons, GAO-11-387. Washington: U.S. Government Accountability Office, May 2011.
39. *O'Hanlon M.* Prudent or Paranoid? The Pentagon's Two-War Plans // Survival, Spring 2001, p. 37-52.
40. *O'Hanlon M., Steinberg J.* Going beyond "Air-Sea Battle" // The Washington Post, 24.08.2012.
41. *O'Rourke R.* Navy Ohio Replacement (SSBN [x]) Ballistic Missile Submarine Program: Background and Issues for Congress, Report for Congress R41129. Washington: Congressional Research Service, 18.10.2012.
42. *O'Rourke R.* Navy Virginia (SSN-774) Class Attack Submarine Procurement. Washington: Congressional Research Service, 27.09.2013.
43. *Pettyjohn S.* U.S. Global Defense Posture, 1783-2011. Santa Monica: RAND, 2012.

44. Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2014 to 2023. Washington: U.S. Congressional Budget Office, December 2013.
45. Quadrennial Defense Review. Washington: U.S. Department of Defense, 4.03.2014.
46. *Ross R.* China's Naval Nationalism: Sources, Prospects, and U.S. Response // International Security, Fall 2009, p. 54-60.
47. *Tellis A. et al.* Measuring National Power in the Postindustrial Age. Santa Monica: RAND, 2000.
48. United States Department of Defense Fiscal Year 2016 Budget Request. Overview. Washington: Office of the Under Secretary of Defense, February 2015.
49. *Watts B.* The Maturing Revolution in Military Affairs. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2011.

## Ideas and Concepts

### New Strategic Guides of U.S. Military Planning

(*USA ❖ Canada Journal*, 2016, No. 9, p. 52-71)

Received 20.04.2016.

*KORSAKOV Georgy Borisovich, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya Str., GSP-7, Moscow, 117997, Russian Federation.*

*The article analyses the important conceptual directions of U.S. military forces development that even given all financial restrictions will be able to lead to destabilization of global military-strategic balance.*

**Keywords:** *quality transformation of U.S. military forces, military-technological superiority, military planning, world order, innovative conceptions of U.S. military forces use, strategic deterrence of global geopolitical opponents, advanced military presence.*

About the author:

*KORSAKOV Georgy Borisovich, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher.*